

УДК 94

ББК 63.3(2)

**Население малых городов Красноярского края
в контексте социально-культурной модернизации
20–30-х гг. XX в.**

М.В. Холина

Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия)

**Population of Small Towns of the Krasnoyarsk Territory
in the Context of Socio-Cultural Modernization
in the 1920s–1930s**

M.V. Kholina

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

На основе широкого круга документальных источников выявляются основные характеристики и тенденции развития населения малых городов, расположенных 20–30-х гг. XX в. в границах сначала Енисейской губернии, а затем Красноярского края. Выявляются факторы, оказывающие существенное влияние на социально-демографический портрет малого сибирского города как уникальной и характерной для России формы социальной организации, развивающейся в условиях экономической и социально-культурной модернизации советского государства. В период сложных трансформаций в большей степени проявляются все социальные изменения и свойственные им противоречия. Практика реализации социально-культурной политики на территории Ачинска, Енисейска, Канска, Минусинска в 1920–1930-е гг. складывалась под влиянием как ряда общих факторов, обусловленных конкретной исторической ситуацией, складывающейся в стране и регионе, так и тех, которые определяли специфику развития исследуемых городов и особенности реализации в них социально-культурной политики советского государства. Неоднородность факторов и их многообразии приводят к существенному и необратимому влиянию на демографические процессы как локальных сообществ, так и региона в целом.

Ключевые слова: малый город, население, социально-культурная модернизация, социальные группы, советское государство.

On the basis of a wide range of documentary sources, the paper considers the main characteristics and development trends of population in small towns of the 1920s and 1930s located first within the Yenisei Province and then within the Krasnoyarsk Territory. The author reveals the factors which have a significant impact on the socio-demographic portrait of a small Siberian city as a unique and characteristic form of social organization for Russia, developing in the context of economic and socio-cultural modernization of the Soviet state. The period of complex transformations witnesses the whole range of social changes and their inherent contradictions to a greater extent. Achinsk, Yeniseisk, Kansk, and Minusinsk social and cultural policy of the 1920s and 1930s developed under the influence of both a number of general factors determined by the specific historical situation in the country and the region, and those factors which determined specific development of the towns under study and features of their social and cultural policy in the Soviet state. These heterogenous and diverse factors produce a significant and irreversible impact on the demographic processes of both local communities and the region as a whole.

Key words: small town, population, socio-cultural modernization, social groups, Soviet state.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-04

Красноярский край находится в преддверии празднования 200-летия Енисейской губернии — административно-территориальной единицы в составе Российской империи, созданной в 1822 г. В начале 1920-х гг., в последние годы своего существования, Енисейская губерния включала в себя пять уездов, центрами которых являлся Красноярск, а также малые города Ачинск, Енисейск, Канск и Минусинск. В результате административной реформы в 1925 г. уездные города вошли в состав Сибирского края, а затем в 1934 г. в состав Красноярского края, граница которого практически полностью совпадает с Енисейской губернией. До настоящего времени малые города являются районными центрами огромного региона, условно очерчивая его контуры с запада (Ачинск) на восток (Канск) и с севера (Енисейск) на юг (Минусинск).

Исследование периода 1920–1930-х гг., характеризующегося переходным состоянием от традиционного аграрного общества к индустриальному, способствует пониманию степени влияния войн и революционных потрясений, сопровождающихся разрухой, маргинализацией населения, экономических и социально-культурных трансформаций на структуру городского общества, его основные характеристики и тенденции развития.

Теоретическую базу исследования составили работы как современников исследуемого периода, основывающихся на материалах демографических переписей 1920-х гг. [1–4], так и работы наших современников, интерес которых к проблематике социально-демографического развития Сибирского региона, в том числе городов, активизировался со второй половины 1970-х гг. Особо необходимо отметить вклад в изучение данного вопроса А.С. Московского [5], В.А. Исупова [6], А.М. Рогачевского [7], а также Е.Д. Малинина [8], В.Н. Чакшова [9], Л.Н. Славиной [10] и др. Проблемы взаимодействия различных социальных групп, их адаптации к проводимой государством экономическим и социально-культурным преобразованиям поднимаются в трудах Ю.А. Полякова [11], В.И. Ильина [12], сибирских исследователей — Л.П. Бердникова [13], Ю.М. Гончарова [14], В.И. Исаева [15], В.А. Скубневского [16] и др. Они способствуют изучению социально-классовой структуры в период коллективизации и индустриализации, проблем адаптации населения сибирского города к сложным экономическим, социально-политическим и культурным обстоятельствам.

Между тем в поле зрения исследователей в основном попадают большие города, являвшиеся промышленными центрами и выполнявшие функциональную задачу формирования индустриального общества. Малым городам, как правило, уделяется второстепенное внимание. Данное обстоятельство усиливает актуальность настоящего исследования.

Социально-культурная политика советского государства в указанный период усугубляла изменения в социально-демографическом составе населения городов, делала их более существенными и радикальными. В этом смысле малый город как уникальная и характерная для нашей страны форма социальной организации, локализованная в пространстве (две трети от общей численности городов России составляют малые города), представляет научный интерес и актуальность для исследования происходящих изменений в современном российском обществе. Именно в городах, являющихся социально-культурными центрами регионов, в период трансформаций в большей степени проявляются все социальные изменения и свойственные им противоречия. Таким образом, целью настоящего исследования является выявление факторов, оказывающих существенное влияние на социально-демографический состав населения локальных сообществ на примере малых городов Красноярского края, развивающихся в условиях нестабильности и неравномерности, являющейся следствием войн, революции и социально-культурных трансформаций, осуществляемых советским государством.

Достоверность результатов работы основана на использовании общенаучных и специальных исторических методов исследования (сравнительно-исторического, проблемно-хронологического) и привлечении большого объема архивного, статистического материалов, значительная часть которого относится к исследуемому периоду, проанализирована и систематизирована впервые. Наряду с этим предпринята попытка нового осмысления ранее опубликованных и использованных в научных работах источников.

Социальный состав исследуемых городов в дореволюционной России был достаточно разнообразным, однако большинство населения составляли мещане и крестьяне. Основными носителями городской культурной традиции являлись мещане, доля которых в составе горожан достигала более половины населения. Последствия крестьянской реформы, процессы развития капитализма и переселения в Сибирь способствовали росту крестьянства в составе городского населения, доля которого достигала до 40% от общей численности горожан. И мещане, и крестьяне занимались, по сути, не городскими видами деятельности (земледелие, скотоводство, рыболовство и др.), позволяющими отнести выше-названные города к категории аграрных. Некоторое исключение составлял Енисейск, где в большей степени, нежели в Ачинске, Канске и Минусинске, было представлено торгово-ремесленное население. Новые профессиональные структуры капиталистического общества в малых городах были представлены слабо. Крестьянско-мещанская психология населения малых городов не отвечала представлениям

большевиков о «новом человеке». Властям необходимо было приложить большие усилия по приведению социально-классовой структуры городов в соответствие с концепцией советского строя.

К началу изучаемого периода Енисейская губерния находилась в тяжелом положении, явившемся следствием революции и Гражданской войны. Речь шла о выживании людей в условиях разрухи, постоянной опасности, исходящей как от антибольшевистских банд, разгуливающих по уездам губернии, так и от новой власти, атакующей деревню и город продразверсткой и другими чрезвычайными мерами. Города губернии находились в запущенном, загрязненном состоянии. Секретные сводки, направляемые в губисполком, свидетельствовали о подавленном настроении крестьян и враждебном отношении жителей городов и уездов к советской власти: «На улицах много непохороненных трупов — жертв эпидемии тифа» [17, л. 5] (Ачинск), «Настроение совслужащих подавленное, отношение к Советской власти в большинстве враждебное. Многие служащие сидят без топлива в холодных помещениях и не имеют теплой одежды. Рабочие, крестьяне и совслужащие, несознательные массы к РКП(б) относятся враждебно» [18, л. 13] (Канск). К этому периоду относится и четырехстрочное предложение, сочиненное одним юношей: «Вставай под пудом окормленный, иди в деревню за мукой, снимай последние кальсоны своею собственной рукой!» [19, с. 10] (Енисейск). В Минусинске в связи с разгулом контрреволюционных банд в феврале 1921 г. был даже создан уезд-

ный Ревком. Сам факт его создания вызвал толки и разногласия между ответственными работниками Минусинска. Ближайшей задачей Уездного революционного комитета (Уревкома) было наведение порядка «во что бы то ни стало, ценой каких угодно жертв и потерь» [18, л. 14] (распущен Уревком был в июле 1921 г.). Карательные меры советской власти и ее вооруженных противников еще больше озлобляли население, которое страдало и от тех, и от других.

Кризисная экономическая ситуация, хозяйственная разруха, вспышки эпидемиологических заболеваний, общая неустроенность жизни людей, вынужденная миграция, с одной стороны, а также целенаправленно проводимая большевиками политика по выдавливанию из социальной структуры городов так называемых «имущих классов», с другой стороны, повлекли за собой необратимые изменения социально-демографической структуры населения малых городов.

На протяжении всего исследуемого периода население малых городов развивалось неравномерно. Намечившаяся в период с 1897 по 1914 г. тенденция к росту численности городского населения в России (за указанный период более чем в два раза), была прервана Первой мировой войной и последующими революционными событиями. К 1914 г. доля горожан в общей численности населения страны выросла с 7,3 до 10,1%, доля городского населения в составе Енисейской губернии превысила общероссийский показатель на 3,1%, составив 13,2% (абсолютные числа приведены в табл. 1) [20, с. 11; 21, с. 8].

Таблица 1

Динамика численности городского населения Енисейской губернии/Красноярского края. 1914–1939 гг.

Годы	Всего населения, тыс. чел.	В том числе городского, тыс. чел.	В процентах ко всему населению
1914 (на 1 января)	1119,2	147,2	13,2
1926 (по переписи на 17 декабря)	1425,6	166,8	11,7
1939 (по переписи на 17 января)	1959,5	585,0	29,9

Начало 1920-х гг. малые города встретили с отрицательной динамикой численности населения, превышающей показатели по Красноярску, население которого в период революций и Гражданской войны

сократилось на 7,7%. Так, в Ачинске убыль населения составила 17%, в Канске — 14%. Исключение составил Минусинск, в котором присутствовал прирост населения на 31% (табл. 2) [22, с. 8, 11; 5, с. 145–146].

Таблица 2

Динамика численности городского населения Енисейской губернии/Красноярского края. 1897–1939 гг. (тыс. чел.)

Город	Год							
	1897	1917	1920	1923	1926	1929	1936	1939
Ачинск	6,7	13,9	11,6	13,1	17,8	21,5	32,5	32,5
Енисейск	11,5	7,0	7,1	5,9	5,5	6,1	10,8	нет свед.
Минусинск	10,2	12,8	16,7	17,9	19,6	22,1	29,6	31,3
Канск	7,5	15,0	12,9	14,4	18,2	22,8	32,4	41,6
Красноярск	26,7	70,3	64,9	59,2	65,2	83,3	нет свед.	189,9

Данная особенность сохранялась и далее при относительно стабильной положительной динамике численности населения Минусинска, расположенного на юге губернии в более благоприятных для проживания природно-климатических условиях, сокращалось население Ачинска, Енисейска и Канска. Переломным в этом смысле для Ачинска и Канска можно считать 1923 г., когда все города, кроме Енисейска, стали отличаться приростом населения. По Енисейску ситуация изменилась только после 1928 г., тем не менее город и в дальнейшем будет сохранять позицию немногочисленного в сравнении с другими городами, ставшими транспортными и промышленными центрами территорий Красноярского края.

Мирное время, пришедшее на смену войне и разрухе, оживление промышленности, торговли и сельского хозяйства, связанное с восстановлением экономики, улучшение медико-санитарного обслуживания населения благоприятно повлияли на демографическую ситуацию в регионе. В 1923–1926 гг. количество городского населения Сибири выросло на 22,2% [5, с. 27]. Городское население исследуемых городов к 1929 г. составило 75,4 тыс. чел., что больше в сравнении с 1920 г. (48,3 тыс. чел.) на 36%.

1930-е гг. отмечены ростом городского населения по всему СССР: в 1929–1933 гг. среднегодовые темпы прироста составили 11,5% (в Сибири 18,1%); в 1933–1939 гг. — 6,5% (по Сибири 9,5%) [5, с. 31]. За 1923–1939 гг. при росте всего населения региона в 1,2 раза, численность городского населения Сибири увеличилась в три раза. И если в 1926 г. удельный вес горожан в общей численности населения Сибири составил 12,8%, то в 1939 г. уже 31,9% [7, с. 31]. Этим тенденциям отвечало и развитие городского населения Красноярского края. К концу 1930-х гг. численность малых городов составила 116,5 тыс. чел., что больше в сравнении с 1929 г.

на 35%. В целом же число горожан края составило 585 тыс. чел., или 29,9% всего населения [21, с. 8], при этом в основном росло население краевого центра — Красноярска.

Таким образом, при сохранении нестабильного прироста населения численность городских жителей постепенно росла. На протяжении всех 1920-х гг. лидерство среди малых городов губернии по численности населения оставалось за Минусинском, в 1930-е гг. Ачинск и Канск обошли Минусинск по числу своего населения. Сказалось то, что оба города находились непосредственно на Транссибирской железнодорожной магистрали и являлись транспортными узлами, тогда как Минусинск был отдален от нее. Именно отсутствие железнодорожного сообщения во многом объясняет снижение экономической значимости и Енисейска.

Также неравномерно развивалась *половозрастная структура городского населения*. Если в период с 1897 по 1920 г. в составе городского населения Енисейской губернии преобладали мужчины, и на 100 мужчин приходилось 88 женщин, то с 1920 г., несмотря на некоторую стабилизацию в отдельные годы, диспропорция в пользу женского населения сохранялась на протяжении всего изучаемого периода. В 1920 г. и 1939 г. в городах региона на 100 мужчин приходилось 104 женщины [2, с. 17; 5, с. 162].

Сокращение доли мужского населения в послевоенный период значительно проявилось и в малых городах Енисейской губернии, что отражено в составленной по разным источникам [23, с. 137; 24, с. 9–10; 25, л. 4об.–6; 26, с. 10–11; 27, с. 8–10] таблице 3. При общей тенденции сокращения численности мужского населения наименее заметно оно происходило в Енисейске, а в Минусинске отдельными периодами даже отмечался прирост мужского населения.

Таблица 3

Половой состав населения малых городов Енисейской губернии.
1917–1926 гг., чел.

Год	Ачинск		Енисейск		Канск		Минусинск		Всего по малым городам	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1917	8031	5903	3221	3852	9332	5700	5669	7138	26253	22593
1920	5652	5931	3243	3873	6346	6572	8106	8642	23347	25018
1923	6704	6458	2731	3187	7395	7011	8719	9211	25549	25867
1926	9135	8673	2575	2929	9165	9036	9269	10419	30144	31057

Анализ возрастной структуры населения малых городов свидетельствует о наибольшей диспропорции полов в возрастной группе 20–29 лет, наиболее проявившейся к 1923 г. В среднем соотношение мужчин и женщин в этой группе составляло 1 : 2. При этом имеющиеся исследования подтверждают

выводы о многочисленности групп трудоспособного возраста: 20–29 лет (22,2%), 30–39 лет (15,4%), 40–49 лет (8,4%) лет. Учитывая, что группа населения в возрасте до 19 лет была представлена 43,2%, можно с уверенности говорить о преобладании молодежи над другими возрастными группами. Средний

возраст городского населения Сибирского региона не превышал 25,3 года [6, с. 50]. В конце 1930-х гг. Сибирь была представлена высоким удельным весом людей в рабочем возрасте — от 20 до 59 лет. На их долю в городах и поселках городского типа приходилось 51,7% [5, с. 163].

В результате стабилизации общего экономического положения в регионе, некоторого улучшения условий жизни населения в условиях нэпа постепенно половозрастной показатель нормализуется. Так, прирост мужского населения в период с 1920 по 1926 г. составил по малым городам (за исключением Енисейска) 23%, в этот же период доля женского населения в составе малых городов выросла на 19,5%. В период между переписями 1926 г. и 1939 г. доля женщин в составе городского населения Сибири выросла, как и по всей стране. В 1926 г. удельный вес женского населения в городах составил 49,9%, в 1939 г. — 50,9% (в СССР — 52,1%). Соответственно, мужчины в половом составе городского населения Сибири в 1939 г. уступали женщинам, их удельный вес составил 49,1% (в СССР — 47,9%) [6, с. 45–46].

В 1920–1930-е гг. на изменение численности горожан значительное влияние оказывал механический прирост населения. Механическое движение напрямую зависело от общей ситуации, складывающейся в стране, и развивалось исходя из социально-экономического и политического контекста тех или иных лет. Фоном для начала 1920-х гг. были голод и разруха, поэтому эти годы отмечены прибытием в Енисейскую губернию голодающих из Поволжья и других районов страны, в 1920–1921 гг. усилился отток городских жителей в сельскую местность. В 1922–1923 гг. начался обратный процесс, а следующие два года характеризуются как период нарастания миграции сельских жителей в города. Во второй половине 1920-х гг. в связи с бурным развитием индустриализации страны миграционные потоки еще более усилились. В 1926–1939 гг. на Сибирский регион приходилось 12% всего механического прироста городского населения страны. Механический прирост горожан за период между двумя переписями составил 71,1%. Исследователи урбанизации Сибири отмечают, что такой резкий рост был в основном обеспечен за счет переселения из деревни в город [15; 6, с. 52].

Города Ачинск, Канск, Минусинск развивались в первую очередь как административные центры и в меньшей степени как промышленные территории, активно вбирали в себя сельское на-

селение, переселенцев с других территорий СССР. Миграционное движение особенно усилилось при решительной поддержке государства в годы первой пятилетки, поскольку города испытывали нехватку рабочей силы. В годы второй пятилетки миграционное движение приняло особо крупные размеры. В 1933–1937 гг. в Сибирь прибыло в три раза больше людей, чем в 1929–1932 гг., при этом 42% мигрантов приходилось на крупные города [5, с. 52]. Этой общей тенденции не совсем отвечал Енисейск, так и не ставший в 1930-е гг. промышленным центром. В 1936 г. его население составило 10,8 тыс. чел., тогда как численность Ачинска — 32,5 тыс. чел., Канска — 32,4 тыс. чел., Минусинска — 29,6 тыс. чел.

Проводившиеся в стране социально-экономические преобразования в течение 1920–1930-х гг. вызывали изменения в *естественном движении населения*. При существенном изменении рождаемости и смертности население пополнялось и за счет естественного прироста, который не отличался стабильностью. Так, для начала 1920-х гг. было характерно снижение рождаемости на фоне высокой смертности населения. Это являлось общей тенденцией для страны, однако в Сибири проблемы низкого уровня жизни проявлялись в большей степени, что неминуемо сказывалось на показателях естественного движения населения. Только с 1923 г. от отрицательного естественного прироста население городов перешло к положительному приросту. Середина 1920-х гг. в городах Сибирского региона отмечена ростом рождаемости: в 1925 г. на 41,3%, в 1926 г. на 40,1%, в 1927 г. — 42%, 1928 г. — 42,4% [6, с. 149].

Для второй половины десятилетия характерна нестабильная динамика естественного движения (см. табл. 4) [28, С. 10–11]. С началом первой пятилетки демографическая ситуация переживает перелом. На фоне подъема смертности в городах резко сократилась рождаемость. В 1929 г. рождаемость по городам Сибири составляла уже 38,8% (снижение по сравнению с предшествующим годом — 3,6%). Так, естественный прирост населения в Ачинске, Енисейске и Минусинске отмечен ростом показателей в 1928 г., а уже в следующем году наступает их снижение [28, с. 10–11]. Данная тенденция подтверждается и общесибирской статистикой. Если в 1929–1930 гг. прирост населения Сибири составил 929 тыс. чел. в год, то в 1931–1932 гг. только 638,7 тыс. чел. В городах СССР за 1926–1935 гг. рождаемость снизилась в 1,3 раза [6, с. 150].

Таблица 4

Динамика численности населения городов Енисейской губернии/Красноярского края.
1923–1930 гг., чел.

Города	Количество населения					Естественное движение населения									Механический прирост (-) — отрицательный прирост		
	по переписи 1923	по переписи 1926	по исчислению			1927			1928			1929			1927	1928	1929
			на 1.01.1928	на 1.01.1929	на 1.01.1930	родившихся	умерших	естеств. прирост	родившихся	умерших	естеств. прирост	родившихся	умерших	естеств. прирост			
Ачинск	12568	17896	20293	21506	211236	633	393	240	792	384	408	762	380	382	2157	805	652
Енисейск	5889	5953	6028	6135	6070	198	164	34	204	136	68	212	162	50	41	39	-115
Минусинск	17660	20379	22160	24887	27089	735	484	251	760	457	303	687	550	137	1530	2424	2065
Канск	13517	19267	21025	22870	26048	759	475	284	2465	1617	848	2425	1513	912	4819	4211	3017
Красноярск	58784	72595	78309	83368	90282	2365	1470	895	2465	1617	848	2425	1513	912	4819	4211	6002

С середины 1930-х гг. наметилась положительная динамика рождаемости по стране, а в 1935–1937 гг. она выросла на 22,5%. Среди определяющих факторов увеличения активности деторождения можно рассматривать Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», принятое 27 июня 1936 г. В 1940 г. естественный прирост населения городов Восточной Сибири составил 18,1 чел. на 1000 жителей [22, с. 275].

На характер естественного движения городского населения значительно влияли социально-экономические факторы. К их числу в первой половине 1920-х гг. следует отнести: голод, неудовлетворительные санитарно-бытовые условия, сложную эпидемиологическую ситуацию, распространение венерических заболеваний. Во второй половине 1920-х гг. — быстрый рост городского населения, значительно опережающий по темпам развитие системы медицинского обслуживания населения, активное распространение противозачаточных средств, случаев прерывания беременности (аборты) и др. При сохранявшейся высокой смертности населения незначительно увеличивалась рождаемость. В 1920 г. по городам губернии она составила 36 родившихся на 1000 чел., в 1925 г. — 49 чел., в 1929 г. — 55 чел., в 1940 г. — 37,9 чел.

По национальному составу население малых городов было многонациональным и неравномерным по расселению. Данная особенность сложилась в 1920-е гг. под влиянием миграционных потоков, вызванных социальными потрясениями в стране и прежде всего прибытием в Сибирь голодающего населения Поволжья, репатриацией иностранных военнопленных, оптацией русского населения во вновь образованные прибалтийские государства.

При явном преобладании русского населения на всем протяжении исследуемого периода (в 1923 г. его доля в общей численности составила 83,5%, в 1926 г. — 86,1%, в 1939 г. — 90,5%), население городов было представлено украинцами, белорусами, поляками, немцами, татарами, литовцами, латышами, евреями, чувашами, китайцами, корейцами и другими национальностями. По данным переписи 1926 г. русское население по городам было представлено следующим образом: Ачинск — 78,6% (13 998 чел.), Енисейск — 91,4% (5032 чел.), Канск — 86,9% (16 339 чел.), Минусинск — 92% (18 140 чел.) [27, с. 242–243, 254–255, 260–261]. Преобладание русского населения было характерно для всей Сибири, где удельный вес русских среди городского населения в 1926 г. составлял 87,5%, а в 1939 г. — более 90% (4006,3 тыс. чел.) [6, с. 74].

По-разному выглядело распределение других национальностей в составе населения малых городов. Так, в Ачинске по численности на второй, третьей, четвертой позициях стояли евреи (6,7%), татары (3,8%) и поляки (1,6%). Население Енисейска, поми-

мо русских, было широко представлено татарами (8,5%), евреями (4,6%), украинцами (1,1%). В Канске наиболее многочисленным было представительство евреев (4,9%), а также были практически равномерно представлены татары (2,6%) и украинцы (2,3%). В Минусинске проживали татары (4,9%), украинцы (3,9%), поляки (1%), а также представители других народов, находящихся в меньшей численности [27, с. 242–243, 254–255, 260–261].

Частью социально-культурных преобразований, осуществляемых властями на территории малых городов, являлось формирование социальной опоры советскому государству, способной к реализации стратегических целей и задач партийного руководства. Достижение всесторонней поддержки осуществляемых мероприятий в социально-культурной сфере виделось возможным при однородности социальной структуры общества.

Социальный состав исследуемых городов, как и большинства сибирских, был достаточно пестрым, представленным различными социальными группами, значительная часть которых занимала маргинальное положение. Получить представление о меняющейся на протяжении 1920–1930-х гг. социальной структуре населения городов стало возможным в ходе анализа вопросов переписных листов советских переписей в части определения социально-профессионального статуса населения. Характерно, что во Всесоюзных переписях 1926 г. и 1939 г. используются разные перечни социальных групп, основанные в первую очередь на критерии отношения к средствам производства. О подвижности социальной структуры говорит тот факт, что социально-профес-

сиональная характеристика опрашиваемых респондентов в ходе переписей 1937 и 1939 гг. по сравнению с переписями 1920-х гг. была свернута от почти двух десятков групп до семи: рабочие, служащие, колхозники, единоличники, кустари, люди свободных профессий или служители культа и нетрудовые элементы. Таким образом, из опросных листов исчезли такие социальные группы самодеятельного городского населения, как хозяева с наемными рабочими, хозяева, работающие с членами семьи, хозяева-одиночки, помогающие члены семьи, иждивенцы государственных и общественных учреждений, живущие от сдачи домов в аренду и за счет алиментов, т.е. так называемые нэпманы или «буржуазные элементы». Это свидетельство прогрессирующей тенденции достижения однородного состава населения в соответствии с советской классовой стратификацией.

Благоприятные условия для развития нэпа привели к росту удельного веса нэпманов в социальном составе городов. В 1923–1926 гг. численность нэпманов по Сибири увеличилась в 2,5 раза, а их удельный вес достиг 3,7–4,9% [29, с. 83]. Енисейская губерния занимала второе место по численности этой социальной группы среди сибирских губерний. Однако не за счет Красноярска, который среди губернских центров значился последним по числу нэпманов, а благодаря своим уездным городам. Рост социальных групп под общим названием «нэпманы» отражен в таблице 5 [28, с. 24–25]. Постепенно из социальной структуры городов произошло вытеснение нэпманов, что вполне объясняется проводимой государством в конце 1920-х гг. политикой сворачивания нэпа.

Таблица 5

Социальный состав населения городов Енисейской губернии по данным переписей 1923 и 1926 гг., чел.

Города	Годы	Самодеятельное население городов										Всего населения
		рабочие	служащие	лица свободных профессий	хозяева с наемными рабочими	хозяева, работающие с членами семьи	хозяева-одиночки	помогающие члены семьи	прочие занятия	безработные	итого	
Ачинск	1923	1113	1555	13	24	93	441	123	1768	502	5632	12568
	1926	1122	2389	18	78	355	609	472	599	316	5958	16087
Енисейск	1923	478	652	21	16	18	87	23	875	340	2510	5889
	1926	396	469	16	19	119	206	91	411	211	1938	5477
Канск	1923	952	1307	15	17	208	754	346	2239	551	6389	13517
	1926	1326	2137	21	90	640	674	1016	527	272	6703	16993
Минусинск	1923	1742	1448	34	32	219	591	389	1611	1070	7136	17660
	1926	1517	2210	33	95	594	889	672	570	436	7016	19280
Красноярск	1923	6204	8758	87	76	246	1330	169	8606	3470	28946	58784
	1926	7269	8222	81	212	609	2093	652	2928	3102	25168	65208

На фоне угасания нэпманов активно развивались социальные группы рабочих и служащих, ставших основной базой для социально-культурных трансформаций. В начале 1920-х гг. служащие составляли большой удельный вес в составе городского населения, что отражало общую особенность социальной структуры населения, как в Сибири, так и по всей стране. В составе городского населения Енисейской губернии в 1923 г. они составляли 25,4%, совсем немного служащим уступали рабочие, представленные 23,2% самодеятельного населения городов [28, с. 24–25]. В результате роста городского населения в 1923–1926 гг., связанного с уходом сельского населения на заработки в города, заметно увеличились все категории самодеятельного населения (за исключением безработных), в первую очередь рабочие. По малым городам в 1926 г. эта социальная группа была представлена 24,6% от всей численности населения (в 1923 г. — 23,1%). В дальнейшем численность рабочих и служащих в сравнении с другими категориями продолжала увеличиваться. Так, например, выглядела ситуация по Канску: в 1923 г. группа служащих составила 20,5%, а в 1931 г. уже 34,2% (прирост составил 63,5%). Прирост социальной группы служащих по Ачинску составил 53,6%, по Мнусинску — 52,6%. Традиционно им уступал Енисейск. В городе прирост служащих был отрицательным и составил 28,1%.

Данные переписи 1926 г. и перерегистрации городского населения 1931 г. подтвердили, что основным направлением изменения социальной структуры горожан был ускоренный рост численности рабочих и служащих, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте. В СССР среднегодовой прирост рабочих и служащих в 1929–1932 гг. составил 20,6%, в 1938–1940 гг. — 5,9%. При этом преобладали рабочие. В 1939 г. в городах Сибири насчитывалось 2804 тыс. рабочих и 1354,5 тыс. служащих [6, с. 13, 56, 58].

Представляет интерес группа «лица свободных профессий», существовавшая в структуре населения городов в 1920-е гг. К этой группе относились адвокаты, врачи, учителя, инженеры, священники, художники. Данная категория горожан была немногочисленной и занимала небольшую долю в составе самодеятельного населения городов. Всего по городам Енисейской губернии в 1923 г. к этой группе были отнесены 179 чел., из них в Ачинске проживали 13 чел., в Енисейске — 21 чел., в Канске — 15 чел., в Минусинске — 34 чел. При этом процент лиц интеллигентских профессий в малых городах был не ниже, чем в Красноярске.

Дальнейшее сокращение группы «лица свободных профессий» прежде всего связано с переходом лиц, принадлежащих к этой категории, на государственную службу. Значительно пострадает от осуществляемой государством антицерковной политики

категория священников, что также отразится на численности данной социальной группы. Сама группа к концу 1920-х — началу 1930-х гг. полностью перейдет в социальную группу «служащие».

С развитием социалистической промышленности частные товаропроизводители теряли свое экономическое значение. В начале 1930-х гг. в условиях ликвидации нэпманов и активно проводимого государством кооперирования производителей произошло значительное сокращение численности частных хозяйственных групп — некооперируемых кустарей, ремесленников, крестьян-единоличников. За 1926–1939 гг. численность мелких товаропроизводителей в городах Сибири сократилась в 6,6 раза и составила 17,9 тыс. чел. В Сибирском регионе источниками трудовых доходов для «индивидуалов» являлись извоз (45,6%), строительство (9,8%), пошив одежды и обуви (15,5%), рыболовство и звероводство (5,9%).

Помимо перечисленных социальных групп, входящих в социальную структуру городов, необходимо также отметить такие социальные группы, как безработные, лица, находящиеся на иждивении государственных и общественных учреждений, и «деклассированные элементы».

Безработные присутствовали в социальной структуре городов в течение всех 1920-х гг. Удельный вес безработных в составе самодеятельного населения городов варьировался в зависимости от социально-экономической ситуации в городах и Сибирском регионе в пределах 5–15%. Так, например, с закрытием частных предприятий в конце 1920-х гг. безработица в городах увеличилась. Учитывая, что безработными были в основном лица неквалифицированного труда из сельской местности, в том числе и из других губерний, то безработица имела сезонный характер — приток в зимние месяцы и отток в летние. В 1930-е гг. категория «безработные» была окончательно выведена из официальной социальной структуры населения, а по переписи 1939 г. категория «безработные» вообще отсутствовала. Более того, на фоне форсированной индустриализации региона возникал дефицит рабочей силы. Так, уже в середине первой пятилетки возросли трудности с кадрами для промышленности и транспорта. В годы второй пятилетки в Канском рудоуправлении потребность в рабочей силе была удовлетворена только на 82,1% [5, с. 51]. Проблема нехватки работников решалась за счет переброски масс из сельской местности в города.

К группе иждивенцев относились пенсионеры, инвалиды, больные, учащиеся и воспитанники приютов, детских домов, интернатов. На протяжении всего периода эта социальная группа имела тенденцию к увеличению численности.

Деклассированная группа, представляя незначительную долю городского населения, включала бес-

призорников, нищих, женщин, занимающихся проституцией. Таковых в 1926 г. в Енисейской губернии был всего 91 чел. При проведении переписи 1939 г. при наличии представителей данного контингента их относили к группе «прочие», которая составляла не более 1% населения.

Таким образом, социальная структура населения постепенно приобретала однородный классовый характер с явным преобладанием тех, кто обеспечивал существование и развитие нового государства. Состав рабочих и служащих в городах пополнялся за счет механического движения, представленного миграцией рабочей силы, как из ближайшей сельской округи, так и из других регионов страны. Также источником их формирования являлись другие социальные группы, потерявшие свое значение в течение 1930-х гг. Социально-классовый состав населения малых городов отражал общую ситуацию по Сибири и стране в целом. Большой социальной дифференциации по уровню жизни не обнаружено, население в большинстве своем являлось малоимущим.

В заключение следует отметить, что население малых городов Красноярского края в начале 1920-х — конце 1930-х гг. развивалось под воздействием ряда факторов. С одной стороны, на демографическую структуру и социальный состав малых городов оказали влияние социальные потрясения, процессы урбанизации и индустриализации, характерные для исследуемого периода и естественно влекущие за собой изменение социально-демографических характеристик населения. С другой стороны, демографическая и социальная структура менялись под воздействием проводимой советским государством политики укрепления нового строя и формирования соответствующей ему классовой стратификации.

К ряду общих для исследуемых городов факторов, обусловленных конкретной исторической ситуацией, складывающейся в регионе, следует отнести: тяжелое экономическое положение Енисейской губернии, вызванное разрушительными последствиями революции и Гражданской войны, а также общим экономическим отставанием сибирского региона от промышленно развитых территорий центральной части России; неравномерность развития населения (нестабильные динамика числен-

ности и половозрастная структура, преобладание механического прироста при низкой рождаемости и высокой смертности, преобладание численности женского населения над мужским); нестабильная социальная структура городов, подверженная постоянным изменениям как под влиянием механического движения, так и предпринимаемым со стороны властей действиям по достижению социальной однородности советского классового общества; низкий уровень жизни населения городов при преобладании маргинальных социальных групп; малограмотность и малокультурность населения малых городов при расширяющемся идеологическом диктате государства.

Помимо перечисленных факторов, следует отметить и те, которые определяли специфику развития исследуемых городов и особенности реализации в них социально-культурной политики: благоприятные природно-климатические условия проживания на юге региона, определяющие наиболее стабильную демографическую ситуацию на протяжении всего исследуемого периода (Минусинск); усиление тенденции к росту с обретением городом статуса административного, транспортного и промышленного центра (Ачинск, Канск, Минусинск); отсутствие благоприятных для проживания природно-климатических условий на севере региона, промышленных объектов, железнодорожного транспортного сообщения и, как следствие, торможение развития и в последующие периоды (Енисейск).

Население малых городов Красноярского края являлось достаточно специфичным по своему составу, сочетая крестьянский традиционализм и пролетарский радикализм. Назвать его «городским» (в контексте происходящих в исследуемый период процессов урбанизации и индустриализации) можно только с оговоркой. На этом этапе только шел процесс формирования городского населения, которое постоянно пополнялось выходцами из сельской округи, не владеющими навыками и нормами социализации городского жителя, а также переселенцами, в том числе трудовым контингентом. Эта особенность значительно ослабляла возможности реализации процесса социально-культурной модернизации в отдельно взятом городе.

Библиографический список

1. Петров А.П. Перепись городского населения Сибири. 1926 г. // Советская Азия. 1927. № 3.
2. Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края / Бюро краеведения при Среднесибирском отделе Русского географического общества. Красноярск, 1928.
3. Якушев И.А. Районированная Сибирь в цифрах: по переписи 1926 г. и современным данным // Вольная Сибирь. № 11. Прага, 1930.
4. Чураев А. Население Восточной Сибири. М. ; Иркутск, 1933.

5. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.
6. Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 1930-х – конец 1950-х гг.). Новосибирск, 1991.
7. Рогачевский А.М. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982.
8. Чакшов В.Н. Расселение и численность населения Сибири по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975.
9. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976.
10. Славина Л.Н. Миграция населения на территории Сибири в годы восстановления народного хозяйства (1920–1926 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977.
11. Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967.
12. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996.
13. Бердников Л.П. Вся красноярская власть. Красноярск, 1995.
14. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Барнаул, 2002.
15. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937. Новосибирск, 1988.
16. Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990.
17. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. р-93. Оп.1. Д. 48.
18. ГАКК. Ф. р-49. Оп. 2с. Д. 41.
19. Миндаровский М.П. Записки и воспоминания. 1919-1935 гг. // Дневниковые записи. Фонды МУК «Енисейский краеведческий музей».
20. Народное хозяйство Красноярского края : стат. сборник / Статистическое управление Красноярского края. Красноярск, 1967.
21. Красноярский край в цифрах / отв. ред. Л.П. Раткевич. Красноярск, 1976.
22. Народное хозяйство Красноярского края : стат. сборник / Статистическое управление Красноярского края. Красноярск, 1958.
23. Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Красноярск, 1921. Ч. 1.
24. Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.). Погубернские, по-уездные, поволостные итоги // Труды Сиб. стат. управления. Вып. 5. Новониколаевск, 1921.
25. ГАКК. Ф. р-93. Оп. 1. Д. 90.
26. Статистический бюллетень. № 1. Новосибирск, 1924.
27. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край. Отд. 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. Т. 6.
28. Сибирский край : стат. справочник. Новосибирск, 1930.
29. Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988.